

УДК 343.131

Реализация принципа языка уголовного судопроизводства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в условиях развития цифровых технологий

Вилкова Татьяна Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: tvilkova@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего до-ступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий».

Аннотация

Статья посвящена вопросам совершенствования механизма обеспечения прав лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком уголовного судопроизводства, в условиях развития цифровых технологий в Российской Федерации. На основе сравнительно-правового исследования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Греции, Дании, Украины, Финляндии, Швеции, Эстонии обосновывается вывод о допустимости дистанционного, посредством видеоконференцсвязи, участия переводчика при производстве отдельных процессуальных действий, а при невозможности обеспечения его участия в разумный срок – о применении голосового электронного переводчика. Такой механизм может быть использован при принятии заявления о преступлении, при проверке этого заявления, при задержании лица по подозрению в совершении преступления, при реализации права подозреваемого и обвиняемого на доступ к защитнику и др.

Для цитирования в научных исследованиях

Вилкова Т.Ю. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в условиях развития цифровых технологий // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 3А. С. 306-313.

Ключевые слова

Язык, уголовное судопроизводство, переводчик, принцип, цифровые технологии, видеоконференцсвязь, электронный голосовой переводчик, досудебное производство.

Введение

Конституция Российской Федерации, определяя русский язык в качестве языка, являющегося государственным на всей территории страны, гарантирует равенство всех перед законом и судом, а также право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 2 ст. 26, ч. 1 ст. 68).

Государственное устройство современной России, представляющей собой относительно централизованную асимметричную федерацию, построенную по национально-территориальному принципу (республики, автономные округа, автономная область в составе России образованы по национальному признаку, в то время как края, области, города федерального значения – по административно-территориальному), диктует правила о языке, на котором ведется уголовное судопроизводство: общим правилом является ведение процесса на русском, и лишь в республиках, входящих в состав Российской Федерации, допускается возможность ведения производства по уголовному делу на государственных языках этих республик.

При этом, согласно данным Всероссийской переписи 2010 г., население Российской Федерации владеет более чем 170 языками [Итоги..., www]. Лишь для 77% граждан русский язык является родным [Смолькова и др., 2015, 316], а свыше 817 000 человек (0,6% населения) не владеют им вовсе.

Реализация принципа языка уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий

Государство устанавливает действенные механизмы защиты прав лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком судопроизводства. Это относится не только к гражданам Российской Федерации, но также к иностранным гражданам и лицам без гражданства – участникам уголовного процесса. Заметим, что таковых немало. Например, в первом полугодии 2018 г. за совершение преступлений были осуждены 8327 граждан зарубежных государств СНГ, 2263 граждан других зарубежных государств и 737 лиц без гражданства, что составило 3,5% от всех осужденных [Сводные статистические сведения..., www].

В настоящее время закон предусматривает единственный способ обеспечения коммуникации с участниками уголовно-процессуальной деятельности, не владеющими или недостаточно владеющими языком судопроизводства: суд, следователь, дознаватель привлекают переводчика, который осуществляет устный и письменный перевод в установленных случаях и объеме. Основной недостаток этого традиционного способа заключается в трудностях обеспечения участия переводчика в уголовном судопроизводстве при значительной территориальной удаленности его от места предварительного расследования или судебного заседания либо в случаях, когда требуется знание редкого языка. Особое значение это приобретает в досудебном производстве, где участие переводчика в уголовно-процессуальных действиях часто должно быть обеспечено в краткие сроки, исчисляемые часами или несколькими сутками: при принятии заявления о преступлении, при проверке этого заявления (получении объяснений, производстве освидетельствования и других следственных действий), при задержании лица по подозрению в совершении преступления, при реализации права подозреваемого и обвиняемого на доступ к защитнику и др.

Еще одним недостатком традиционного способа обеспечения участия переводчика в уголовном судопроизводстве являются высокие расходы, которые несет государство по оплате его труда и возмещению расходов, связанных с его явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (п. 1. ч. 2 ст. 131, ч. 3 ст. 132 УПК РФ). В 2014 г. только в районных судах и судебных участках на переводчиков было потрачено около 7 млн руб. [Егоров, 2018]. Указанные недостатки в значительной степени или полностью могут быть преодолены, если допустить возможность использования современных цифровых технологий.

Во-первых, своевременное (при необходимости – в кратчайшие сроки) участие переводчика может быть обеспечено при использовании видеоконференцсвязи, а для письменного перевода – и иных способов дистанционного (удаленного) участия переводчика. В судебном заседании осуществление дистанционного перевода посредством видеоконференцсвязи широко используется за рубежом. Так, в соответствии со ст. 2 гл. 6а УПК Финляндии, если суд сочтет это целесообразным, перевод может быть осуществлен с использованием видеоконференции или других подходящих технических средств связи, где лица, участвующие в слушании, имеют аудио- и визуальный контакт друг с другом, или по телефону. Согласно ч. 7 § 149 Закона Королевства Дания об отправлении правосудия, устный перевод может быть осуществлен с использованием видеоконференцсвязи, если это обусловлено непропорциональными трудностями обеспечения непосредственного нахождения переводчика в том же месте, где находятся сторона, свидетель или эксперт, и осуществление устного перевода с использованием видеоконференцсвязи является обоснованным. При переводе для стороны, свидетеля или эксперта, который участвует в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи, переводчик должен, если это возможно, находиться в том же месте, что и сторона, свидетель или эксперт. При устном переводе обвиняемому, присутствующему на слушании по вопросу о продлении срока содержания под стражей или других мер содержания под стражей, с использованием видеоконференцсвязи суд определяет, где должен находиться переводчик. Осуществление устного перевода с использованием различных технологий связи допускается и ч. 1 ст. 233 проекта УПК Греческой Республики.

В указанных нормах реализуются положения Директивы Европейского парламента и Совета ЕС от 20 октября 2010 г. № 2010/64/EU о праве на устный и письменный перевод в уголовном процессе, которая предусматривает, что в судебном разбирательстве для обеспечения устного перевода могут использоваться такие средства связи, как видеоконференции, телефонная связь или Интернет, за исключением случаев, когда для обеспечения справедливости судебного разбирательства требуется физическое присутствие переводчика. При использовании видеоконференции для целей дистанционного устного перевода компетентные органы должны иметь возможность полагаться на инструменты, разрабатываемые в контексте европейского электронного правосудия (например, обладать информацией о судах, оснащенных оборудованием для проведения видеоконференций).

Удаленное осуществление устного перевода допускается не только в судебных заседаниях. В некоторых государствах такая возможность предусмотрена для всего уголовного судопроизводства, включая предварительное расследование. Например, в ст. 43 УПК Литовской Республики, определяющей процессуальный статус переводчика, указывается, что он может участвовать в процессе с помощью аудиовизуальных телекоммуникаций посредством дистанционной связи, за исключением случаев, когда непосредственное участие переводчика

необходимо для того, чтобы участник мог правильно пользоваться своими правами или понимать происходящее уголовное производство. Согласно ч. 3 ст. 567 УПК Украины, при проведении допроса с применением видео- или телефонной конференции следственным судьей по запросу компетентного органа иностранного государства последний обеспечивает участие переводчика. Согласно п. 5 ч. 6 ст. 468 и п. 4. ч. 3 ст. 489.41 УПК Эстонской Республики, при дистанционном допросе с помощью аудиовизуальных технических решений свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, находящегося в иностранном государстве, компетентный правовой орган в случае необходимости обеспечивает участие переводчика.

Применительно к реализации принципа языка судопроизводства в досудебных стадиях интерес представляет Директива Европейского парламента и Совета ЕС от 25 октября 2012 г. № 2012/29/EU «Установление минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений и замена Рамочного решения 2001/220/JHA Совета», которая достаточно подробно регулирует право потерпевших, не владеющих или недостаточно владеющих языком судопроизводства, на получение лингвистической помощи в виде устного и письменного перевода в досудебном производстве с момента их первого контакта с компетентным органом, в том числе при подаче заявления о преступлении, при допросах в полиции и следственных органах, в судебных заседаниях и любых необходимых промежуточных слушаниях (ч. 1 ст. 4, ч. 2 и 3 ст. 5, ст. 7). При этом в директиве указывается, что без ущерба для прав защиты потерпевшего могут использоваться такие коммуникационные технологии, как видеоконференция, телефон или Интернет, если только физическое присутствие переводчика не требуется для того, чтобы потерпевшие могли должным образом осуществить свои права или понять ход разбирательства (ч. 2 ст. 7).

УПК РФ предусматривает широкие возможности применения видеоконференцсвязи в судебных стадиях, однако даже для этих случаев отсутствуют специальные оговорки о том, в каких случаях и каким способом обеспечивается участие переводчика. Применительно к досудебному производству вопросы осуществления перевода регулируются лишь через общие нормы о процессуальном положении различных участников (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, переводчика и др.).

В условиях развития цифровых технологий именно в досудебном производстве открываются новые возможности для быстрого, дешевого и при этом эффективного обеспечения принципов языка судопроизводства, обеспечения доступа к правосудию, охраны прав и свобод граждан, права подозреваемого, обвиняемого на защиту, разумного срока уголовного судопроизводства, состязательности сторон. Эта задача может быть решена путем установления оснований, условий и порядка участия переводчика в срочных процессуальных действиях с помощью видеоконференцсвязи либо иных технических средств. При этом переводчик может быть единственным участником конкретного следственного или иного процессуального действия, который находится не в месте его совершения, а осуществляет перевод удаленно. Например, при принятии устного заявления о преступлении у лица, не владеющего языком судопроизводства или недостаточно им владеющего, и составлении протокола в соответствии с ч. 3 ст. 141 УПК у следователя, дознавателя должна быть техническая и правовая возможность привлечь переводчика с помощью аудио- или видеоконференцсвязи. Возможно, для таких экстренных случаев должен быть создан единый реестр переводчиков, правомочных осуществлять именно дистанционный перевод после прохождения процедуры аутентификации, авторизации. Схожим образом переводчик сможет

участвовать в получении объяснений у граждан при проверке сообщения о преступлении, при получении объяснений и показаний у лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, и др. Если будут реализованы предложения по использованию видеоконференцсвязи при производстве отдельных следственных действий, например очной ставки, допроса, освидетельствования и предъявления для опознания [Кравец, Шувалов, 2017, 143], для обеспечения безопасности здоровья сотрудников следственных органов, вынужденных контактировать с лицами, являющимися носителями различных форм инфекционных заболеваний [Поплавская, Поплавский, 2017, 19], при производстве следственных действий с участием трансграничных подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей [Сорокина, 2015, 27], то возможность при определенных условиях дистанционного участия переводчика должна быть предусмотрена и для этих случаев.

Во-вторых, новым механизмом реализации принципа языка уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий может стать ограниченное использование электронных переводчиков. Такая возможность (использование технических средств вместо переводчика) предусмотрена ст. 6 гл. 5 Закона Королевства Швеция о судебной процедуре. Голосовой электронный переводчик мог бы применяться в исключительных случаях, когда невозможно в разумный срок обеспечить непосредственное или удаленное участие переводчика, например для реализации задержанным права на один телефонный разговор на русском языке (ч. 1 ст. 96 УПК) в условиях, когда подозреваемый не владеет или недостаточно владеет русским языком (только для целей уведомления соответствующих лиц о задержании и месте нахождения подозреваемого).

Заключение

Таким образом, для реализации изложенных предложений представляется необходимым закрепление в УПК РФ норм о возможности дистанционного участия переводчика в уголовном судопроизводстве с указанием оснований, условий и порядка такого участия, а также, в исключительных случаях, применения голосовых электронных переводчиков с одновременным предоставлением дополнительных прав участникам, не владеющим или недостаточно владеющим языком судопроизводства, например, права обжаловать качество перевода.

Библиография

1. Егоров И. Дело переводчиков передано в суд // Российская газета. 2018. 23 марта.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Кравец Е.Г., Шувалов Н.Г. Дистанционные следственные действия сквозь призму применения специальных знаний // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 140-144.
5. Поплавская Н.Н., Поплавский Д.В. Видео-конференц-связь в уголовном процессе // Российский следователь. 2017. № 6. С. 17-20.
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2018 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759>
7. Смолькова И.В. и др. Принципы современного российского уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2015. 383 с.
8. Сорокина Е.М. Правовые основы обеспечения права на перевод в уголовном процессе по законодательству Европейского союза // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 6. С. 26-28.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.11.2001: одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.12.2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
10. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178
11. Bekendtgørelse af lov om rettens pleje (LBK nr 1255 af 16/11/2015). URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=16699>
12. Directive 2010/64/EU of the European Parliament and of the Council of October 20, 2010 on the right to interpretation and translation in criminal proceedings. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1552205970699&uri=CELEX:32010L0064>
13. Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of October 25, 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime, and replacing Council Framework Decision 2001/220/JHA. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1552206693068&uri=CELEX:32012L0029>
14. Kriminaalmenetluse seadustik. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13311874?leiaKehtiv>
15. Lietuvos Respublikos baudžiamojo proceso kodekso patvirtinimo, įsigaliojimo ir įgyvendinimo įstatymas. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.EC588C321777/UNqWwsXDMa>
16. Oikeudenkäymiskaari. URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1734/en17340004?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=Oikeudenkäymiskaari>
17. Om domstolsväsendet. URL: <http://www.notisum.se/Pub/Doc.aspx?url=/rnp/sls/lag/19420740.htm>
18. Σχέδιο νέου Κώδικα Ποινικής Δικονομίας. URL: <http://www.opengov.gr/ministryofjustice/?p=9936>

Implementation of the principle of the language of criminal proceedings at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation under conditions of the development of digital technology

Tat'yana Yu. Vilkova

PhD in Law,

Docent,

Associate Professor at the Department of criminal procedural law,

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin,

125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russian Federation;

e-mail: tvilkova@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the issues of implementation of the principle of the language of criminal proceedings at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation under conditions of the development of digital technology in the Russian Federation. It aims to propose ways of improving the mechanism used for ensuring the rights of persons who do not speak the language of criminal proceedings or do not know it well enough to understand what is going on during investigative actions and court sessions. Having carried out comparative legal research on the legislation on criminal procedure in the Russian Federation and such foreign states as the Hellenic Republic, the Kingdom of Denmark, Ukraine, the Republic of Finland, the Kingdom of Sweden, the Republic of Estonia, the author of the article points out the admissibility of participation of an interpreter through video conferencing in certain procedural actions and the use of electronic voice translators in cases when it is impossible to ensure participation of an interpreter within a reasonable time. The article concludes that there is a need for amending Criminal Procedure Code

of the Russian Federation by introducing this mechanism that can be used in pre-trial and trial proceedings.

For citation

Vilkova T.Yu. (2019) Realizatsiya printsipa yazyka ugolovnoho sudoproizvodstva na stadiyakh vzbuzhdeniya ugolovnoho dela i predvaritel'nogo rassledovaniya v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologii [Implementation of the principle of the language of criminal proceedings at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation under conditions of the development of digital technology]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (3A), pp. 306-313.

Keywords

Language, criminal procedure, interpreter, principle, digital technology, video conferencing, electronic voice translator, pre-trial proceedings.

References

1. *Bekendtgørelse af lov om rettens pleje (LBK nr 1255 af 16/11/2015)*. Available at: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=16699> [Accessed 27/01/19].
2. *Directive 2010/64/EU of the European Parliament and of the Council of October 20, 2010 on the right to interpretation and translation in criminal proceedings*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1552205970699&uri=CELEX:32010L0064> [Accessed 27/01/19].
3. *Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of October 25, 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime, and replacing Council Framework Decision 2001/220/JHA*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1552206693068&uri=CELEX:32012L0029> [Accessed 27/01/19].
4. Egorov I. (2018) Delo perevodchikov peredano v sud [The case of interpreters was sent to court]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian gazette], 23 Mar.
5. *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda* [The results of the 2010 All-Russian Population Census]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [Accessed 27/01/19].
6. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Accessed 27/01/19].
7. Kravets E.G., Shuvalov N.G. (2017) Distantionnye sledstvennye deistviya skvoz' prizmu primeneniya spetsial'nykh znanii [Remote investigative actions through the prism of application of special knowledge]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal science and law enforcement practice], 1, pp. 140-144.
8. *Kriminaalmenetluse seadustik*. Available at: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13311874?leiaKehtiv> [Accessed 27/01/19].
9. *Lietuvos Respublikos baudžiamojo proceso kodekso patvirtinimo, įsigaliojimo ir įgyvendinimo įstatymas*. Available at: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.EC588C321777/UNqWwsXDMa> [Accessed 27/01/19].
10. *Oikeudenkäymiskaari*. Available at: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1734/en17340004?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=Oikeudenkäymiskaari> [Accessed 27/01/19].
11. *Om domstolsväsendet*. Available at: <http://www.notisum.se/Pub/Doc.aspx?url=/rnp/sls/lag/19420740.htm> [Accessed 27/01/19].
12. Poplavskaya N.N., Poplavskii D.V. (2017) Video-konferents-svyaz' v ugolovnom protsesse [Video conferencing in criminal proceedings]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 6, pp. 17-20.
13. Smol'kova I.V. et al. (2015) *Printsipy sovremennogo rossiiskogo ugolovnoho sudoproizvodstva* [The principles of modern Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform Publ.
14. Sorokina E.M. (2015) Pravovye osnovy obespecheniya prava na perevod v ugolovnom protsesse po zakonodatel'stvu Evropeiskogo soyuza [A legal framework for ensuring the right to interpretation/translation in criminal proceedings under the legislation of the European Union]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International criminal law and international justice], 6, pp. 26-28.
15. *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 1 polugodie 2018 goda* [Cumulative statistics on criminal records in Russia for the 1st half of 2018]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> [Accessed 27/01/19].

-
16. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.11.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.12.2001* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ [Accessed 27/01/19].
 17. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Ukrainy ot 13.04.2012* [Criminal Procedure Code of Ukraine]. Available at: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 [Accessed 27/01/19].
 18. *Σχέδιο νέου Κώδικα Ποινικής Δικονομίας*. Available at: <http://www.opengov.gr/ministryofjustice/?p=9936> [Accessed 27/01/19].